

© 1998 г. Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

**П Р А Я З Ы К О В А Я Р Е К О Н С Т Р У К Ц И Я И П Р Е Д П О С Ы Л К И
С Р А В Н И Т Е Л Ь Н О - Г Е Н Е Т И Ч Е С К О Г О Я З Ы К О З Н А Н И Я**

В номер "Вопросов языкознания", посвященный памяти замечательного ученого, нашего незабвенного друга и коллеги Георгия Андреевича Климова, я решил дать статью по проблемам типологии и методам сравнительно-исторического языкознания, которые постоянно оставались в центре научных интересов Георгия Андреевича и которым он посвятил ряд блистательных работ, остающихся вехой в развитии соответствующих областей теоретической лингвистики.

После безраздельного господства в языкознании первой половины XX в. проблематики синхронной лингвистики вторая его половина ознаменовалась возрастанием интереса к диахронической лингвистике, к проблемам языкового изменения и преобразования во времени. Это явилось некоторым возвратом, уже на новом методологическом уровне, к разработке проблем, возникших в классическом, сравнительно-историческом индоевропейском языкознании прошлого века. Такое возрастание интереса к проблемам языковых изменений и диахронической лингвистики обусловлено общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая сосюрговскую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности.

Одной из основных предпосылок праязыковой реконструкции и всего сравнительно-генетического языкознания вообще является положение о языковом развитии, понимаемом не как движение языка от простого к сложному или более совершенному, а как диахроническая изменчивость, вариабильность языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры.

На звуковом уровне подобные диахронические преобразования языка выражаются в изменениях определенных фонем в другие фонемы, представляющих собой по существу "расщепление" или "слияние" двух фонем, характерных для более раннего состояния языка. Такие фонемные преобразования осуществляются в условиях избыточности языковой системы, которая и определяет возможность подобных звуковых изменений языка. Избыточность языка как "неполной системы" и является тем структурным фактором, который делает возможной звуковую изменчивость языка. Вследствие этого языковая система не является застывшей структурой в отношении звуковых изменений и диахронического "движения" фонем.

Однако характер подобного диахронического "движения" фонем, подобных звуковых преобразований системы зависит уже не от степени избыточности системы, варьирующей от языка к языку, а от более глубоких характеристик языковой структуры. Одной из глубоких структурных характеристик языковой системы является иерархическое отношение "маркированности" или "доминации" между лингвистическими, в частности фонологическими, единицами.

Существуют универсальные модели сочетаемости, совместимости фонетических дифференциальных признаков в одновременной ("вертикальной") последова-

тельности – в единовременных пучках, представляющих определенные фонемы. Одни признаки сочетаются друг с другом на оси единовременности предпочтительнее других признаков, что проявляется в высокой системной и текстуальной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки – пробелы в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случаи "трудной" сочетаемости признаков.

В этом смысле можно говорить о двух основных типах сочетаемости признаков: о "маркированной", или "рецессивной", и "немаркированной", или "доминантной", сочетаемости признаков. Рецессивной является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входит данное сочетание признаков, и ее дистрибутивной ограниченностью. Подобная сочетаемость признаков, объясняемая трудной совместимостью этих признаков в одновременной последовательности, может вовсе отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток-пробелов в парадигматической системе.

"Доминантной" является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частотности и в большей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят такие сочетающиеся друг с другом признаки. Подобная "естественная" сочетаемость признаков объяснима их свободной артикуляторной и акустической совместимостью в одновременной последовательности, в результате чего возникает более сильная в функциональном отношении фонема.

"Функционально сильные", стабильные пучки дифференциальных признаков (resp. фонемы), определяемые обычно как "немаркированные", в противопоставлении "маркированным", "функционально слабым" и нестабильным пучкам признаков (resp. фонемам), переименованы тут как "доминантные" пучки в противовес "рецессивным". Такое переформулирование иерархического отношения "маркированности" в отношении парадигматической "доминации" с соответствующими "доминантным" и "рецессивным" членами противопоставления представляется целесообразным ввиду многозначности традиционных терминов "маркированный/немаркированный", все еще употребляемых в их первоначальном значении для обозначения соответственно "признакового (merkmalhaltig)/беспризнакового" (merkmallos) членов отношения. Термины "доминантный/рецессивный" заимствованы, очевидно, из современной молекулярной биологии, характеризующейся, как известно, широким применением лингвистических терминов при определении понятий генетического кода.

Наличие иерархических зависимостей в системе между отдельными фонологическими единицами – пучками дифференциальных признаков, сказывающееся в отношениях доминации, свидетельствует о существовании в языковой системе строгой стратификации фонологических значимостей.

В соответствии с такими универсально значимыми соотношениями и происходят диахронические фонемные преобразования в языке. Целый ряд диахронических фонемных изменений в системе, кажущихся на первый взгляд разрозненными и не связанными друг с другом, может быть осмыслен как взаимозависимые, взаимообусловленные преобразования, регулируемые подобной иерархией фонологических значимостей. В частности, выявляемая доминантность переднего ряда звонких смычных и фрикативных по сравнению с задним рядом и, наоборот, доминантность заднего ряда незвонких смычных и фрикативных по сравнению с передним; общая доминантность согласных по отношению к соответствующим фрикативным и т.д. позволяют определить последовательность фонемных изменений в конкретных языковых системах и установить универсально значимые модели диахронических фонемных преобразований.

Универсально значимая иерархия фонологических единиц предполагает, как было

отмечено выше, наличие фонем и с низкой частотностью, доходящей до нуля (пустые клетки в системе). Эти парадигматические закономерности системы должны постоянно учитываться как при синхронном описании языка, так и в языковой диахронии, в частности при реконструкции языковых систем. Наличие пустой клетки с точки зрения теории доминанции не является аномалией, и, следовательно, при отсутствии данных внешнего сравнения не предопределяет по необходимости ее заполнения при внутренней реконструкции древнего состояния языка, как это часто практикуется в диахронической лингвистике (ср. случаи с заполнением так называемых "cases vides" у Мартине).

Другой основной предпосылкой сравнительно-генетического языкознания является тезис о произвольности языкового знака. Хотя "произвольность" языкового знака следует трактовать несколько иначе, чем это представлено у Соссюра, и можно утверждать в свете "принципа дополнительности" о мотивированности связи между "означаемым" и "означающим" на уровне "горизонтальных отношений", однако "вертикальные" отношения между "означаемым" и "означающим" можно считать "произвольными" в смысле Соссюра, и на этом принципе строится по существу вся система сравнительно-исторического языкознания [Gamkrelidze 1974].

При обнаружении формально-смыслового сходства между двумя или несколькими языками, т.е. сходства в двух планах одновременно, как означающих, так и означаемых знаков этих языков, естественно встает вопрос о причинах возникновения такого сходства в знаках различных языков. Исходя из тезиса об ограниченной (в указанном выше смысле) произвольности знака, такое формально-смысловое совпадение знаков различных языков (т.е. фонетическое сходство двух или более знаков при их смысловой близости или тождестве) можно было бы истолковать как факт случайного совпадения двух или более знаков различных языков.

Вполне возможно допустить, что по совершенно случайным факторам комбинаторики совпали в двух или даже более языках несколько слов, схожих по фонетическому звучанию и по значению. Можно даже вычислить с некоторым приближением вероятность случайного совпадения в двух или более языках двух или более совпадающих или сходных слов определенной длины. Вероятность гипотезы о случайном совпадении для объяснения такого сходства будет уменьшаться в соответствии с увеличением количества языков, в которых обнаруживаются такие сходные знаки и в еще большей степени с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие сходства или совпадения.

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений в соответствующих знаках двух или более языков должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами между языками и заимствованием слов из одного языка в другой (или в несколько языков) или заимствованием в оба эти языка из третьего источника. Но не все виды формально-семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонетических соотношений между сходными знаками; этот тип сходства не объясняется в общем случае заимствованием слов одних языков в другие. Сходство этого типа между знаками предполагает наличие таких звуковых соотношений между языками, при которых каждой фонеме /x/ языка А соответствует в формально-семантически сходном знаке языка В фонема /y/, в таком же знаке языка С фонема /z/ и т.д. Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды. Этот последний вид сходства, обнаруживающий регулярные соотношения между звуковыми единицами рассматриваемых языков, нельзя удовлетворительно объяснить ни случайным совпадением слов различных языков в звучании и значении, ни тезисом о заимствовании слов из одного языка в другой или их происхождением в этих языках из третьего источника. Единственным вероятным объяснением сходства этого типа в соотносимых знаках различных языков является допущение общего

происхождения рассматриваемых языковых систем, т.е. происхождение этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях.

Объяснение фонемных соответствий между языками общностью их происхождения из определенной исходной языковой системы предполагает необходимость реконструкции ее с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.

Сравнение языков, ориентированное на установление закономерных фонемных соответствий, должно привести логически к реконструкции той языковой модели, преобразование которой в разных направлениях и дало нам исторически засвидетельствованные родственные языковые системы. Сравнение родственных языков, не имеющее целью реконструкцию праязыковой системы, не может считаться завершающим этапом исследования истории рассматриваемых языков.

Бесписьменная история родственных языков восстанавливается лишь в том случае, если удастся свести к общим исходным моделям все разнообразие исторически засвидетельствованных языковых структур. В таком случае удастся восстановить пути возникновения и развития этих систем, начиная с исходного состояния вплоть до исторически засвидетельствованных состояний. Такой подход к генетическому сравнению языков и установлению соотношений между ними ставит естественным образом вопрос о реконструкции исходной, так называемой праязыковой системы, и о лингвистических методах подобной реконструкции.

Реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию. Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества последовательных трансформаций, которые и определяют "диахроническую выводимость" системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

С помощью таких диахронических трансформаций описывается вывод различных родственных языковых систем из теоретически постулируемых исходных структурных моделей.

По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструкций, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их "архетипами"), могут быть сопоставлены с "трансформациями" порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, составляющих глубинную структуру языка.

Описание диахронических изменений языка через правила трансформации представляет собой в сущности последовательное перечисление дискретных шагов, каждый из которых отражает одно из синхронных состояний в развитии языка. Чем меньше хронологическое расстояние между такими "шагами", тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее ее последовательные переходы, начиная с исходного состояния.

При реконструкции с помощью определенных методов лингвистического исследования исходных языковых моделей, которые должны в принципе отражать систему общего исходного языка, встает методологический вопрос о реальности предлагаемых реконструкций и о степени соответствия их существовавшей в пространстве и времени языковой системе, принимаемой за исходную для данной группы родственных диалектов.

Принятие тезиса реальности предлагаемых реконструкций определяет целый ряд

методологических принципов сравнительно-генетических лингвистических исследований и в первую очередь их тесную связь с принципами лингвистической типологии и установления лингвистических универсалий. В этом смысле генетическая (сравнительно-историческая лингвистика, т.е. лингвистика, устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая реконструкции их исходных моделей) составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической и лингвистикой универсалий.

Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерностями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур.

Лингвистическая реконструкция, противоречащая языковым универсалиям, не может, естественно, претендовать на реальность отображения ею исторически существовавшей языковой системы. Но и соответствие реконструируемых моделей синхронным лингвистическим универсалиям не может служить достаточным основанием для утверждений о реальности этих реконструкций и об отражении в них конкретной языковой системы, предполагаемой в качестве исходной для родственных языков. Необходимым условием при этом является также соответствие реконструированных моделей диахроническим типологическим данным, общим схемам изменения во времени определенных лингвистических структур, устанавливаемым при изучении конкретных фактов истории отдельных языков.

Типологическая верификация реконструируемых лингвистических моделей (как синхронная, так и диахроническая) становится, таким образом, одной из основных предпосылок постулирования исходных языковых структур, необходимой для проверки их вероятия.

Учет синхронной типологии при лингвистических реконструкциях, заставляет существенно пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской сравнительно-исторической грамматики и предложить новое толкование устанавливаемых лингвистических соотношений на основе принципа структурно-типологической верификации системы и ее диахронической выводимости.

Односторонность и ограниченность классического сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заключается в том, что реконструируемая модель общеиндоевропейского языка являлась лишь результатом внешнего сравнения отдельных родственных систем и в некоторых теориях дополнялась внутренними реконструкциями на основании анализа определенного типа отношений в пределах одной системы. При этом не учитывалось эксплицитно лингвистическое вероятие полученной модели в смысле ее типологического соответствия потенциально возможным языковым структурам. Это привело в классическом индоевропейском языкознании к постулированию такой исходной языковой системы, которая, будучи в противоречии с синхронными типологическими данными, не может считаться лингвистически реальной.

В частности, при оценке традиционно постулируемой системы общеиндоевропейского консонантизма с применением критерия эмпирической реальности языковой системы выясняется, что система консонантизма, применяемая в классическом индоевропейском языкознании в качестве исходной для всех исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, внутренне противоречива и не соответствует синхронной типологии языков. Более того, она противоречит универсальным языковым закономерностям, устанавливаемым в лингвистике универсалиям. Следовательно, такая теоретически постулируемая лингвистическая модель не может считаться системой, отражающей реально существовавший язык, который преобразовался в дальнейшем в системы родственных индоевропейских языков. Соответственно не могут считаться реальными и те фонетические изменения и преоб-

разования, которые допускались в классической индоевропейской сравнительной грамматике при объяснении и описании трансформаций исходной системы в исторически засвидетельствованные индоевропейские языки.

В настоящее время стало возможным предложить новую интерпретацию индоевропейского консонантизма, а также сформулировать новую гипотезу относительно древнейшей локализации индоевропейских языков.

В новой интерпретации общеиндоевропейская система смычных оказывается более близкой к системам, традиционно определявшимся как системы с передвижением согласных (германский, армянский, хеттский и др.), тогда как системы, считавшиеся в отношении консонантизма близко стоявшими к общеиндоевропейской (др.-индийский, греческий, итальянский и др.), оказываются результатом сложных фонемных преобразований исходной языковой системы.

В зависимости от этого меняются и традиционно устанавливаемые преобразования общеиндоевропейских смычных фонем в фонемные единицы отдельных индоевропейских языков, приобретающие при новой интерпретации общеиндоевропейской фонологической системы противоположную традиционной направленность. Соответственно переосмысляются и основные фонетические законы классической компаративистики, такие как "закон Гримма", "закон Грасманна", "закон Бартоломэ" и др., приобретающие при новой фонологической интерпретации индоевропейской системы смычных иное содержание. Реинтерпретированная система общеиндоевропейского консонантизма дает основание по-новому поставить вопросы взаимоотношений диалектов в пределах общего языка-основы и его членения на отдельные исторические диалекты, проблемы индоевропейской ареальной лингвистики.

Все эти проблемы, связанные с общим прогрессом типологических и сравнительно-исторических штудий, заставляют пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской компаративистики и предложить новые сравнительно-исторические построения, в сущности новую систему сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. В этой новой системе праиндоевропейского языка синтаксическая ее часть основывается преимущественно на идеях по типологии активного строя, впервые последовательно изложенных в современной теоретической лингвистике именно Георгием Андреевичем Климовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gamkrelidze Th.V. 1974 – The problem of l'arbitraire du signe // *Language*. V. 50. № 1. 1974.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / С предисловием Р.О. Якобсона. Тбилиси, 1984 (англ. перевод: Berlin; New York, 1995).